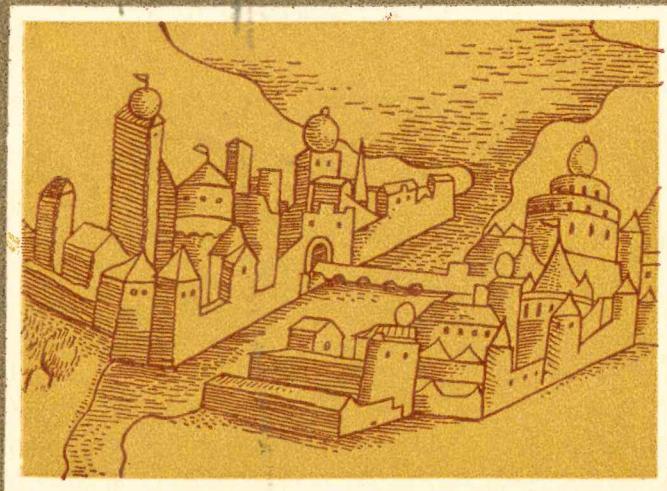

ТРУДЫ
ПЯТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНГРЕССА
СЛАВЯНСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ

В.Л.Янин

НОВГОРОД: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДА X-XI ВВ.

Открытие в Новгороде берестяных грамот обозначило новые перспективы его изучения, позволив прочно сомкнуть традиционный для археологии метод реконструкции исторического процесса по материальным остаткам прошлого со всем корпусом письменных источников. Значение берестяных грамот будет увеличиваться с расширением раскопок. С момента открытия первой берестяной грамоты в 1951 г. их число к концу полевого сезона 1986 г. достигло 680. Подсчет еще не открытых грамот, основанный на характеристике сохранности культурного слоя Новгорода, дает ошеломляющую цифру — примерно 20 тысяч берестяных текстов.

Наиболее важной представляется заложенная в берестяных грамотах возможность персонифицировать древние усадебные комплексы. До их открытия археология располагала лишь приблизительным арсеналом методических средств для получения социальной характеристики усадьбы. Например, обнаружение следов ремесленного производства на той или иной частично раскопанной усадьбе достаточно часто сопровождалось категорическим выводом о ее принадлежности "посадскому" населению. Напротив, даже случайная находка богатых ювелирных украшений порождала представление о социальной исключительности связанной с такой находкой территории. Совокупность подобных наблюдений ложилась в основу социально-топографических реконструкций, выделения аристократических и ремесленных кварталов и т.п.

С обнаружением берестяных грамот изменились сами методические основы социальной характеристики исследуемого в средневековом городе усадебного комплекса. Повторные находки в пределах одной усадьбы документов, адресованных одним и тем же лицам, определяет этих лиц как владельцев или жителей усадь-

бы, социальные характеристики которых проявляются при сопоставлении данных самих грамот со всей совокупностью материальных остатков усадьбы (застройка, площадь, хозяйственная структура, инвентарь). Выяснение принадлежности соседствующих усадеб позволяет установить характер соседских связей, определяя их в ряде случаев как родственные, а сопоставление разновременных комплексов одной и той же усадьбы ведет к важнейшим наблюдениям, касающимся генеалогической преемственности владельцев или, наоборот, к выводу о переходе владельческих прав в иные руки. Примером такого комплексного изучения одной усадьбы может служить монография, посвященная усадьбе новгородского художника рубежа XII-XIII вв. Олисея-Гречина.¹

В частности, атрибуция многих усадеб по обнаруженных на них берестяным письмам боярам, хорошо известным и по летописным сообщениям, сделала очевидным совмещение на одной и той же усадьбе боярских господских хором и ремесленной мастерской. Более того, подавляющее большинство материальных свидетельств ремесленного производства происходит с боярских усадеб, иными словами, свидетельствует и о преобладании вотчинного, а не свободного ремесла. С другой стороны, все исследованные до сегодняшнего дня новгородские боярские усадьбы расположены в той части города, которая находится между детинцем и фортификациями острога, т.е., в соответствии с хрестоматийной схемой представлений о социальной структуре древнерусского города, — на посаде. Уже это обстоятельство протестует и против указанной хрестоматийности, и против использования порожденного ею искусственного метода социально-топографической характеристики, противопоставляющей аристократический кремль ремесленному посаду.

Исследование широкой площадью групп соседствующих усадеб с персонификацией каждой из них позволило установить в ряде случаев клановый характер городского боярского землевладения в средневековом Новгороде. Выяснилось, что значительные участки города составляли собственность крупных боярских родов: владельцы таких соседствующих усадеб вели происхождение от единого предка. Впервые такая структура была выявлена при раскопках 1951-1962 гг. на Неревском конце, где не менее десяти расположенных на одном участке больших дворов (в среднем площадью около 1200-1500 кв.м каждый) принадлежали потомкам Юрия Мишинича, известного посадника, упомянутого летописью с 1291 г. Хотя генеалогия этого рода не может быть документально прослежена

глубже рубежа XIII-XIV вв., однако сам объем участка и стабильность его планировки, практически неизменной с X в., свидетельствуют о глубокой древности подобной структуры.

Сходная картина наблюдается при раскопках большого участка на Славенском конце, принадлежавшего предкам и потомкам боярина Федора Тимофеевича, новгородского посадника конца XIII – начала XIV вв. Однако наиболее важные материалы были собраны во время раскопок в Людином конце Новгорода, начатых в 1973 г. и планируемых к продолжению в течение достаточно длительного срока. Здесь аналогичная структура кланового боярского землевладения зафиксирована для XII в., когда значительный участок, включающий не менее семи усадеб, принадлежал боярской семье потомков Незды – Внезду и Мирошке с их наследниками. Клановая структура этой ячейки была разрушена в 1207 г. в ходе знаменитого восстания новгородцев против Дмитрия Миронича, когда усадьбы были сожжены восставшими, потомки и другие родственники Дмитрия изгнаны в Суздаль, а территория их бывших владений освоена под нужды государственного аппарата Новгорода.

Изучение указанного раннего комплекса уже в силу его исторической судьбы ориентировано на проблемы древнейшей истории Новгорода, для решения которых важны материалы, происходящие из слоев X–XI вв.

В 1975 г. в напластованиях последней трети XI в. была найдена берестяная грамота № 526. Она содержит запись долгов, розданных жившим на одной из исследованных в Людином конце усадеб человеком, который занимался ростовщиками операциями. Общая сумма отданных им в рост денег крайне невелика; она приравнивается примерно 2 фунтам серебра. В документе назван длинный ряд должников, имена которых в большинстве своем были неизвестны до сих пор в древнерусском ономастиконе. Но особая его ценность состоит в другом. Должники живут не в Новгороде, а достаточно далеко от него: в Русе (нынешняя Старая Русса), на реках Луге и Шелони, на озере Селигер, в Дубровне. В целом эта территория покрывает значительную часть первоначальной Новгородской земли, в радиусе до 150 км от Новгорода. Столь обширная ростовщическая паутина неожиданна для времени составления этого документа и для нашего представления об еще ненарушенном автарическом хозяйстве, признаваемом характерным для указанного периода. Очевидно, что грамота № 526 существенно дополняет и детализирует экономическую картину Новгорода

второй половины XI в.

Изложенный феномен может быть понят и объяснен осознанием экономической структуры городского кланового землевладения бояр. Поскольку для каждой боярской усадьбы в клановой группе характерно наличие ремесленной мастерской, а в разных усадьбах одного клана такие мастерские были разнопрофильными, в целом клан развивает свою экономику в двух направлениях. Он обладает явными признаками автарии: если на одной усадьбе выделяли кожи и шили обувь, на другой отливали украшения, на третьей специализировались в косторезном производстве и т.д., то совокупность этих производств позволяла удовлетворять основные жизненные потребности клана натуральным путем. И в то же время объем производства каждой из таких постоянно работающих мастерских создавал массы продукции, превосходящие потребности клана, т.е. был, следовательно, товаром, ориентированным на рынок. Связь с рынком тем более органична, что обеспечение вотчинного ремесла исходным сырьем достигалось только через рынок, поскольку ремесло работало в значительной степени на привозном, иноzemном сырье из-за исключительной бедности Новгородской земли полезными ископаемыми, в том числе цветными металлами, поделочным камнем, а также цennыми породами поделочной древесины. Экспортные массы экспортируемых сельскохозяйственных и промышленных продуктов собирались на городских боярских усадьбах, служивших главными центрами их переработки.

Казалось бы, что такой характер городская усадьба боярина могла получить только с возникновением вотчинной системы, когда прибавочный продукт сельскохозяйственного труда становился собственностью живущего в городе вотчинника, владельца обширных земельных угодий. Однако совокупным изучением археологических комплексов Новгорода и письменных источников было установлено, что возникновение вотчинной системы, т.е. системы крупного частного землевладения в сельской местности, в Новгороде датируется временем не ранее начала XII в., что, в частности, отражено в важнейшим памятником юридического быта – Правдой Ярослава, относящейся к первой половине XI в. и имеющей новгородское происхождение. Этот памятник еще не знает вотчины. Между тем городские боярские усадьбы имеют стабильные социальные и хозяйствственные характеристики на всем протяжении поддающегося археологическому изучению времени: в X–XI вв. они такие же, как и в XII–XV веках. Никакой границы между довотчинным и вотчинным периодами в

них нет. И в X-XI вв., как в XII-XV вв., они были городскими центрами переработки сельскохозяйственного продукта и ремесла; сырьевая база последнего связана с использованием такого продукта или с результатами его реализации на зарубежных рынках.

Таким образом, налицо явное противоречие между привычной археографической оценкой важнейшего фактора феодализации и выявляемой раскопками хозяйственной картиной городской усадьбы X-XI вв. Это противоречие наблюдается также между историографической оценкой процесса становления боярской республики в Новгороде и только что изложенными наблюдениями. С давних пор в исторической литературе стало популярным следующее представление о механизме возникновения боярской власти в Новгороде. Известно, что в X-XI вв. новгородскими князьями становились старшие сыновья и наследники киевских князей. Поскольку Новгород рассматривался ими как промежуточный пункт на лестнице политической карьеры, князья-наместники не стремились обзаводиться здесь земельными владениями; так же поступали и их дружины. В силу этого инициативе новгородского боярства в наступлении на общинные земли ничто не препятствовало, и постепенно, на протяжении XI в., бояре стали во много раз сильнее князя, что и позволило им в 1136 г., опираясь на народное восстание, победить и образовать республиканскую власть. Коль скоро этот путь к власти не мыслился вне системы крупного частного землевладения, то, например, Б.Д. Греков, не сомневавшийся в существовании на Руси системы феодального землевладения уже в IX в., предполагал, что и крупная частная вотчина в указанное время тоже существовала.

Выяснение ее позднего становления в Новгороде поставило с очень большой остротой вопрос о материальных основах возвышения боярства и его торжества над властью князей. Успехи боярства в формировании собственных органов власти несомненны на протяжении всего XI в., т.е. задолго не только до восстания 1136 г., но и до начала становления вотчинной системы. Важнейшие конституционные завоевания боярской республики связаны со временами Ярослава Мудрого. Уже во второй половине XI в. не раз новгородцы изгоняют и приглашают князя, применяя принцип "вольности в князьях", а в 80-е гг. XI в. создается представительный орган боярского управления – посадничество, действующее рядом с княжеским аппаратом. Если экономической базой успехов боярства не была вотчинная система, то как же выглядела такая база? Поставленный вопрос имеет принципиальный характер, поскольку распространенное суждение о крупной частной земельной собственности

как главнейшей основе феодализма способно порождать и уже породило (в частности, в работах И.Я.Фроянова) представление о том, что в вотчинный период феодализма быть не могло, в силу чего отрицается и феодальный характер Древнерусского государства X-XI вв.

Привлечение к исследованию берестяных грамот XI в. и других находок позволяет утверждать, что в вотчинный период экономической основой Новгорода было также крупное землевладение феодального типа, однако имеющее не вотчинный, а корпоративный, государственный характер. Эксплуатация этого землевладения осуществлялась не с помощью княжеского полюдья, характерного для южных областей Руси, а аппаратом сборщиков, который формально составлял княжескую администрацию, но фактически состоял из представителей социальной верхушки местного происхождения, участвующей не только в контроле над фиском, но и в получении части государственных доходов, распределяемых по иерархическому принципу.

Наиболее значительными в этой связи представляются находки в новгородском культурном слое X-XI вв. деревянных бирок мечников и емцов, несущих на своей поверхности тексты о назначении фиксированных сумм ренты (таких бирок найдено уже девять). Бирки имеют форму цилиндра с двумя взаимопресекающимися каналами и служили для гарантированного запирания мешков с собранными ценностями. В двух случаях надписи бирок сообщают о принадлежности мешков с ценностями самим вирникам (емцу или мечнику), что соответствует установлениям и Правды Ярослава, хотя имеются бирки-цилиндры и более раннего времени – 80-х гг. X в. Другие бирки происходят от княжеской доли доходов, имея на себе изображение княжеского знака или (в одном случае) надпись "Княже". И в то же время все они обнаружены не в пределах княжеских резиденций, а на тех усадьбах, принадлежность которых в более позднее время наиболее значительным боярским семьям Новгорода достоверно аргументируется находками многочисленных берестяных грамот с именами хорошо известных летописцу политических деятелей.

Таким образом, не только сбор государственных доходов с территории Новгородской земли находился в руках местной аристократии, но и сосредоточивались эти ценности (получаемые, надо полагать, главным образом в натуральной форме) на городских боярских дворах, что и превращало такие дворы уже в древнейший

период в центры переработки сельскохозяйственного продукта в товар. Если сумма собираемой ренты была фиксированной (а нет основания думать иначе), само это преобразование продукта в товар становилось источником значительных доходов усадьбовладельцев, поскольку к стоимости продукта добавлялся труд эксплуатируемых вотчинных ремесленников.

Древнейшие берестяные грамоты (XI-XII вв.) позволяют говорить еще об одном важнейшем источнике доходов новгородского боярства, прямо связанном со сбором государственных доходов. Десятки грамот отразили широкий размах ростовщических операций; ярким образцом подобных грамот является уже упоминавшийся берестяной документ № 526. Основой боярской ростовщической деятельности, несомненно, становились неизбежные недоимки, покрываемые ссудой под ростовщический процент. Сама мобильность сборщиков образовывала ту широко разветвленную паутину долгов и процентов, в которую затягивались массы простого населения.

Фиксация этих обстоятельств является одинаково важной как для суждений о путях и времени формирования феодализма в северных областях Руси, так и для понимания самого механизма возникновения в Новгороде боярской государственности в республиканской форме.

Стабильность социальной и хозяйственной характеристики новгородской боярской усадьбы на протяжении X-XIV вв., т.е. и до вотчинного и вотчинного периода свидетельствует о том, что Новгород был феодальным городом уже в эпоху образования в нем древнейших культурных наслонений, т.е. в первой половине X в. Вместе с тем очевидно и то, что уже в указанное время боярство располагает прочными позициями в эксплуатации доходов с земли, активно обогащаясь за их счет. Максимально приблизившись к периоду формирования княжеской власти, мы имеем возможность предполагать, что княжеская власть утвердилась в Новгороде на основах договора городской общины с князем, обусловившего не только права и обязанности князя по отношению к городу, но и существенные права местной верхушки общества в контроле и участии в распределении ренты. Иными словами, с самого начала княжеская власть в Новгороде не приобрела самодовлеющего, неограниченного характера, а имела определенные ограничения. На протяжении X-XI вв. соотношение прав и обязанностей менялось в зависимости от хода борьбы между городом и князем, т.е. между вечевым Новгородом и княжескими институтами власти. Однако лег-

ко заметить, что победивший в XII в. вечевой строй генетически восходит к формам докняжеской государственности, которые оказались более жизнестойкими, чем формы княжеского управления.

I. Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.